

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ

ВОИН И ДЖЕНТАЛЬМЕН

Недавно в Москве прошла научная конференция, посвященная 80-летию Александра Аникста. На первые Аникстовские чтения — им предстоит стать традиционными — пришло много людей: его коллеги и ученики, друзья и те, кто знал Аникста только по книгам. Мудрец и просветитель, воин и джентльмен, которому одинаково были к лицу мантия почетного доктора наук и солдатская плащ-палатка, Александр Аникст принадлежал к той подлинной духовной элите отечественной интеллигенции, которая в самые смутные годы смогла сохранить достоинство нашей культуры.

безукоризненно исторична и именно поэтому захватывающе актуальна. Смотрите, говорили мы себе, слушая Аникста, вот когда еще, в XVI веке, люди ломали голову над проклятыми вопросами, которые, как нам прежде казалось, были открыты только в нашем столетии. Преемственность культуры, ее целостность выступали в лекциях Аникста — как и на страницах его книг, в почти физической реальности.

Искусственно оторванный в последние два десятилетия жизни от студен-

ности» для Аникста не существовало. Духовное содержание мировой культуры было в его глазах не поводом для умозрительных дефиниций, а живой душой, гуманистическим смыслом человеческой истории. И в собственной жизни, в борьбе, которую вел много лет, он стремился служить тем идеям, которые находил в великих творениях мирового искусства. Высота собственной научной репутации была подкреплена и освещена его нравственным авторитетом. Ему верили и как ученому, и как человеку. Его жизнь полна примеров того, как отважно и с какой готовностью он бросался защищать невинно пострадавших, неутомимо хлопотал, подписывая обращения в их защиту, ходить «по инстанциям». Он умел ценить талантливость в науке и искусстве и не раз поддерживал силой своего имени самые смелые художественные эксперименты, самые современные интерпретации классики в театре и в науке.

В трагические моменты истории Театра на Таганке он стоял рядом с Любимовым и с блеском, хотя, увы, без успеха отстаивал безнадежное дело «Бориса Годунова». Опубликованная недавно стенограмма обсуждения «Годунова» похожа на полную драматизма, современнейшую по конфликту пьесу, в которой Аникст сыграл безукоризненно благородную роль.

К какой области его жизни отнести все это — к науке, к публицистике, к истории его личности, наконец? Но как отделить одно от другого?

Молодежь любила его преданной любовью и всегда верила ему — именно потому, что энциклопедическое богатство мысли ученого было обеспечено золотым запасом его личной нравственности. В Институте искусствознания, одним из столпов и духовных опор которого он был, его неизменно окружали молодые. Лекции Аникста в ГИТИСе, откуда его дважды увольняли по политическим мотивам, остались прекраснейшим воспоминанием для всех, кто имел счастье его слушать. Как никто иной, он умел счистить с классического произведения патуны времен, убрать хрестоматийный глянец, позволить классике засиять первоначальным блеском.

Избегая соблазна эффектной, но пустой модернизации, он способен был показать вечный, или, что то же самое, современный смысл старинных сочинений, отнюдь не только тех, что принадлежали к первому ряду историко-литературных святцев. Так, его лекция об Этьене де ла Босси, авторе «Рассуждения о добровольном рабстве», была

чешской аудитории, Александр Аникст нашел себе аудиторию неизмеримо более многочисленную. Его телевизионные передачи о Шекспире, Гете, Шоу, в которых пафос истинного просветительства соединялся с ораторским блеском и благородным артистизмом, снискали ему признательность миллионов.

Если выставить рядом на полках все книги, написанные Аникстом, можно подумать, что это результат многолетних трудов целого научно-исследовательского института.

Аникст словно был создан, чтобы заниматься историей английской культуры. Ему было свойственно тончайшее чувство самой сути, природы «английскости». Его собственный юмор, в котором внешняя невозмутимость соединялась с блеском парадокса, заключал в себе нечто от комедиографов Реставрации, от Уальда и Шоу — никто лучше Аникста не писал об их драматургии. Его знаменитое эссе «Как стать Бернардом Шоу» было посвящено вопросам сугубо современным, но любой, кто хочет понять суть Шоу, должен начать с этой статьи. Сентиментальные восторги перед классикой не в духе Шоу и не в духе Аникста: вот отчего он сразу принял «Мою прекрасную леди» и справедливо расхвалил американский мюзикл по пьесе Шоу в статье «Бернард Шоу поет и пляшет». (Однако когда тот же мюзикл был пошло и глупо поставлен в Московском театре оперетты, он обрушил на режиссера и актеров такой залп беспощадных и вполне заслуженных сарказмов, что дело кончилось коллективной жалобой по начальству — хорошо известный в театре способ реагировать на критику).

Временной размах английских штудий Аникста поразителен — от «Беовульфа» до «Оглянись во гневе», от Мильтона до Диккенса, от средневековой мистерии до постановок Питера Брука.

Но прежде всего, конечно, Шекспир.

В шекспироведении у Аникста было много предшественников и старших современников. Но никто в русской науке до него не создавал столь всеобъемлющего исследования шекспировского творчества. Мировоззрение, поэтика и техника драматурга в их эволюции; история первых изданий и проблем текстологии; творчество современников Шекспира; история восприятия его произведений в веках — от его собственной эпохи до нашего времени; интерпретация Шекспира в науке, на сцене, в кино — вот неполный перечень проблем, занимавших ученого. Проще сказать — труды Аникста дают действительно универсальную ана-

литическую картину творчества английского классика, при этом — картину, выполненную на современном уровне мировой науки. Аникст опирался на замечательные открытия зарубежных шекспироведов и сделал эти открытия известными нашим читателям. Он был признанным главой советской школы шекспироведения. Стол его всегда был завален грудой чужих рукописей — едва ли не все, кто писал о Шекспире, кто переводил его сочинения, посылал свои рукописи Аниксту, прося об отзыве, и неизменно получали его. Перегруженный собственной работой, он всегда находил время помогать вступающим в науку — особенно тем из них, кто жил далеко от столицы и был лишен возможности общения с коллегами. Думаю, что переписка с начинающими шекспирологами, будучи опубликованной, составила бы не один том в собрании сочинений Аникста.

Как шекспировед он пользовался непререкаемым авторитетом в нашей стране, но его также хорошо знали и ценили за рубежом, прежде всего на родине Шекспира, где он получил почетную степень доктора Бирмингемского университета (при этом университете, благо Бирмингем недалеко от Стратфорда, существует Шекспировский институт, крупнейший мировой центр по изучению Шекспира).

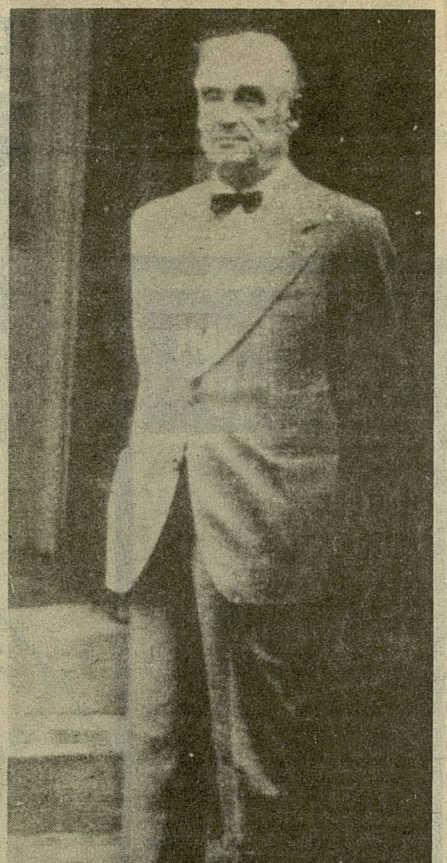
Его любили, им восхищались люди театра. Филолог по образованию, он смог стать тем, что называют «театральным человеком», легко находил общий язык с актерами и режиссерами: явление, не столь распространенное, как полагают. В своих мемуарах «Исповедь актера» великий английский актер Лоренс Оливье, обычно совсем не склонный к чрезмерной эмоциональности, описал встречу с Аникстом в Москве как один из прекраснейших моментов его гастроль с Национальным театром — английский актер прибегает к выражениям самым восторженным.

Круг исследовательских интересов Аникста, беспрецедентно широкий, выходил за пределы изучения английской литературы и театра. Англия, Шекспир лишь одно, пусть главное, из трех направлений, по которым развивалось научное творчество ученого. Второе — исследование художественного наследия Гете, которому посвящены несколько книг, написанных Аникстом в последние годы. Точкой схода его шекспироведческих изысканий становится «Амлет», внутренний центр его работ о Гете — «Фауст», два величайших и самых таинственных создания человеческой культуры.

Дерзновенная мысль ученого всякий раз ставит перед собой задачи сверхсложные; это свойство Аникста-исследователя ясно проявилось в созданном им многотомном труде по истории учений о драме. Это был замысел поистине грандиозный — написать первую в мире фундаментальную историю теоретических воззрений на драму — на Западе и в России, с V века до н. э. до нашего столетия, от Аристотеля до Ницше, от Пушкина до Чехова. Работа, которая под силу лишь целому коллективу ученых, была предпринята одним человеком и почти доведена до завершения. Первая книга этой серии вышла в 1967 г., последняя — накануне кончины Аникста.

Он умер, как жил: в библиотеке, с книгой в руках.

Алексей БАРТОШЕВИЧ.

ВЫШЕДШЕЙ в 1963 году книге «Шесть рассказов об американском театре», где одни главы написаны Г. Боуджеем, а другие — А. Аникстом, перу последнего принадлежат несколько строк, вызвавших негодование тогдашнего идеологического начальства и серию громовых статей с серьезными политическими обвинениями.

Как же, в самый разгар борьбы против «идейно-порочной концепции абстрактного гуманизма» Аникст позволяет себе самым дерзким и вызывающим образом заявить: «человеколюбие не может быть абстрактным», открыто вставая на защиту общечеловеческого содержания культуры, что, как тогда велено было считать, несовместимо с марксистской идеологией. Теперь, когда мысль о приоритете общечеловеческих ценностей над классовыми стала признанной сутью нашей культурной политики, рассуждения ученого кажутся чем-то само собой разумеющимся, но какой смелостью ума, какой готовностью к риску надо было обладать в те дни, почти тридцать лет назад, чтобы без обиняков и оговорок (без всяких, как говорил Аникст «подушечек»), высказать эту простую идею, да еще облек ее, как он умел, в форму афористическую, разящую, как удар шпаги.

Это был, конечно, случай не столь уж важный, не более, чем деталь в научной и человеческой биографии Аникста, но в этой детали, одной из множества подобных, точно отразилось существо его личности.

Александр Аникст был одним из тех, начинавших в 30-е годы молодых интеллигентов, которые стремились во что бы то ни стало восстановить в правах понятие гуманизма вопреки лживым официальным спекуляциям этим понятием, когда оно, получив в сопровождении разного рода «уточняющих» эпитетов, ставилось на службу целям, прямо ему противоположным. Аникст, как и другие лучшие люди его поколения, видел в гуманизме синонимом человеческого и нравственной истины, а главное — служил ему, сражался за него. На поле боя — он был солдатом Великой Отечественной, в публицистических дискуссиях послевоенных десятилетий, в науке. Не случайно главными предметами его изучения стали две вершины развития европейской гуманистической традиции — Шекспир и Гете.

В трудах по проблемам классической литературы и театра А. Аникст был строго историчен, чуждался какой бы то ни было прямой аллюзионности, публицистической горячности, которая составляет обаяние его критических статей и выступлений в многообразных дискуссиях на современные темы. Могло показаться, что две эти области его деятельности — научные сочинения и критическая публицистика — разлучены между собой, что последовательный академизм ученых трудов словно существует в каком-то ином измерении, в ином слое его духовной жизни, нежели гражданская страстность и сокрушительное остроумие Аникста-полемиста.

На деле, однако, границ между «интересами науки» и «зовами современ-

